

Ставропольский Юлий Владимирович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей
и социальной психологии
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
dom-hors@mail.ru

**«МЫ»- И «ОНИ»-ОТНОШЕНИЯ «Я»
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
ФЕНОМЕНОЛОГИИ**

Аннотация:

Данная статья посвящена анализу социологической версии феноменологической редукции по А. Шютцу, которая состоит в вынесении за скобки всех исходных научных предпосылок о социоисторическом мире. Социология должна начать свою задачу анализа и понимания не с концепции мира «вогне», а с действий и сознания субъектов, которые стремятся конструировать и наполнять реальность смыслом. Таким образом, смысл не ждет пассивно того, что его обнаружат, но требует активного конструирования.

Ключевые слова:

феноменология, редукция, смысл, конструирование, социология.

Stavropolsky Yuliy Vladimirovich

PhD in Social Science,
Assistant Professor of the General
and Social Psychology Department,
Saratov State University
named after N. G. Chernyshevsky
dom-hors@mail.ru

**US- AND THEM- RELATIONS OF
ONESELF IN THE PHENOMENO-
LOGICAL SOCIOLOGY**

Summary:

The article deals with A. Schuetz's sociological version of the phenomenological reduction, which is bracketing the research theses concerning the social historic world. The social science is considered to research not the outside world's objects, but actions and consciousness of individuals, which constitute the meaning of the reality. Thus, the meaning does not inherently accrue to an object as a thing-in-itself, but it requires creative constitution.

Keywords:

phenomenology, reduction, meaning, constitution, sociology.

В историческом развитии волонтаристской социологической теории действия работа Альфреда Шютца, как и работы З. Фрейда и Дж. Г. Мида, занимает такое же важное место. Как и Дж. Г. Мид, А. Шютц акцентировал креативную и активную роль субъекта. Социальная реальность – это процесс, который постоянно реконструируется через повседневное действие индивидов. А. Шютц следует за М. Вебером в отрицании позитивных методов исследования социальной и культурной жизни, утверждая, что предметом социологии являются наделенные смыслом действия человеческих агентов.

А. Шютц разрабатывал феноменологический подход к исследованию общества [1] под влиянием феноменологической социологии Эдмунда Гуссерля, работы которого посвящены преимущественно структуре сознания и отношению между субъективностью и научным методом. В различных произведениях Э. Гуссерль высказывал утверждение о том, что все науки имеют свою основу в донаучном мире (Lebenswelt) обычных людей. Для Э. Гуссерля реальность «интенциональна» в том смысле, что человеческий субъект направляет свое сознание на объект. Опыт всегда интенционален, и все формы сознания предполагают осознание объектов: благодаря деятельности сознания, объекты приобретают структуру и смысл. Таким образом, смысл не присущ изначально объекту как таковому, но заключен во внутренней жизни субъекта. Но субъективный жизненный мир, сознание состоят из множества накопленных опытов и исходных пресуппозиций, затрудняющих процесс понимания. Тем самым Э. Гуссерль отстаивал метод «феноменологической редукции», посредством которого сознание отвергает все идеи о внешнем мире и о его объектах. Сознываемый мир становится чистым сознанием. Общество, культура, ис-

тория «выносятся за скобки», так сказать, отодвигаются в сторону, так что знание является продуктом «интенциональности» «чистого сознания».

Э. Гуссерль называл эту процедуру *epoché* – временное прекращение понимания воспринимаемых объектов. То, что после этого остается, – это «трансцендентное эго», чистое сознание, свободное открывать «истинный смысл», сущность. По мнению А. Шютца, Гуссерлева трансцендентная феноменологическая редукция должна «избавить мир, который прежде, в рамках естественных установок, просто определялся как бытие, от именно этого постулируемого бытия». То, что схвачено в *epoché*, – это «чистая жизнь сознания, в котором и через которое целостный объективный мир существует для меня. Я воздерживаюсь от веры в бытие этого мира, и я направляю мой взгляд исключительно на мое сознание мира» [2].

Социологическая версия этой феноменологической редукции, по А. Шютцу, состоит в вынесении за скобки всех исходных научных предпосылок о социоисторическом мире. Социология должна начать свою задачу анализа и понимания не с концепции мира «вовне», а с действий и сознания субъектов, которые стремятся конструировать и наполнять реальность смыслом. Таким образом, смысл не ждет пассивно того, что его обнаружат, но требует активного конструирования.

А. Шютц определял «жизненный мир» как непрерывный поток опыта и действия. Актор редко рефлексировал этот процесс. Поскольку Э. Гуссерль стремился очистить сознание от всех эмпирических элементов, А. Шютц начинает с опытов повседневной жизни, здравого смысла, социальных действий обычных индивидов. Социальная наука начинается с «принятия-само-собой-разумеющимся» самоочевидной природы социального мира, что является маркированной характеристикой тех индивидов, которые остаются «внутри естественного отношения». Естественным отношением является такое, которое принимает реальность повседневного мира, временно приостанавливая любые сомнения в том, что он может быть иным, нежели тот, который есть. Чтобы понять этот ординарный мир, социальный ученый должен объяснить те способы, которыми индивид определяет и рефлексировал свои ситуации и действия (намерения и цели актора), а также исследует их структуры.

А. Шютц определяет повседневный мир как интерсубъективный: мир не является частным, мир является общим с другими – множеством взаимодействующих акторов – чье присутствие влияет на формирование нас самих. Социальная реальность – это общая сумма всех объектов и событий внутри социального мира. Но это не атомистический мир, у него есть структура, выстроенная вокруг социальных отношений, в которых участвуют различные модальности коммуникации. Актор должен придать смысл действиям других, научаясь интерпретировать то, что есть за действием. Для того чтобы это сделать, требуется обыденное знание, понимание на уровне здравого смысла, которое обеспечивает индивиду возможность структурировать социальный мир на языке «смысловых конфигураций», таких как идеальные типы образов (например, акт отправки письма, который предполагает знание конкретных типов, участвующих в действии: почтальонов, сортировщиков и т. д.) из образов второго порядка, которые применяет социолог для анализа и преобразования реальности.

Корпус знания основывается на индивидуальном опыте, который со временем становится «осадочным», застывшим внутри культуры жизненного мира и сообщается через язык, поскольку лишь малая доля совокупности подобного знания может существовать в сознании единичного индивида. Объем знания актора просто берется как таковой, практически соотносящийся с тем, как функционирует мир. Таким образом, повседневный мир имеет свою особую структуру, которая в значительной степени согласуется с понятиями

«поваренной книги» или знанием кулинарных рецептов, по которым действие становится «редуцированным до автоматических навыков однозначных банальностей».

Для А. Шютца знания определяются через «интересы», обычно практические по природе, связанные с «проектом» индивида. Жизненный мир является потому далее структурируемым в сферы или «зоны релевантности», которые соотносятся с определенными групповыми ассоциациями (брак, бизнес, клубы). Жизненный процесс состоит из этих изменяющихся систем индивидуальной релевантности. Реализуя какой-либо проект, актер обязательно связан с системами релевантностей, присущих этому проекту. Именно этот процесс дает индивиду возможность выбирать и интерпретировать. Все факты являются с самого начала фактами, выбираемыми из универсального контекста деятельностью мышления. Они поэтому всегда являются интерпретируемыми фактами. Индивид структурирует жизненный мир через сознание: объем знания, образы и релевантность образуют категории, через которые сознание организует реальность. Определение А. Шютца, таким образом, аналогично анализу каузальности И. Кантом: время и пространство – имманентные категории мышления, которые организуют внешнюю материю, а не элементы, присущие объекту.

В описании А. Шютцем жизненного мира акцентируется важность общих смыслов, понятие мира как «нашего», а не «моего», языковая общность, существующая через общие смыслы. Наш повседневный мир с самого начала является интересубъективным миром культуры. Он интересубъективен потому, что мы живем в нем как люди среди других людей, связанные с ними через общее влияние и работу, понимая других и являясь объектом понимания для других. Это – мир культуры, потому что с самого начала жизненный мир является вселенной смыслов для нас, т. е. системой координат смыслов, которые мы должны интерпретировать, и взаимоотношений смыслов, которые мы образуем лишь через наши действия в этом жизненном мире. Это – мир культуры также потому, что мы всегда сознаем его историчность, с которой мы сталкиваемся в традициях и обычаях. «Люди, с которыми я вступаю во взаимоотношения, – это мои родные, мои друзья или чужие. Язык – не субстрат философских или грамматических размышлений для меня, но средство выражения моих намерений или понимания намерений Других. Лишь применительно ко мне это отношение к Другим получает свой специфический смысл, который Я обозначаю словом «Мы». Такое «Мы»-отношение образует базовую структуру повседневной жизни. Все другие отношения зависят от него и соотносятся с ним.

А. Шютц утверждает, что социальный мир сосредоточен вокруг индивида, состоит из паутины отношений в диапазоне от непосредственных, личностных и уникальных (например, отношения с семьей и друзьями) до опосредованных и более анонимных «Они»-отношений (с предками, современниками, потомками). Знание о современниках является преимущественно умозрительным и дискурсивным, основанным не на уникальных, а на типических чертах. Чистое «Мы»-отношение по контрасту требует осознания нами присутствия других, а также знания каждого о том, что другой его осознает.

Следовательно, для А. Шютца общество образует структуру «множественных реальностей», объединенных вокруг различных «зон релевантности», интересов, сотоварищей и т. д. Это, строго говоря, не мир объектов, но мир, конструируемый активным субъектом. В социальном мире, по А. Шютцу, отсутствует фиксированный центр за исключением расплывчатого понятия социального порядка. Социальный мир становится наполненным смыслом благодаря языку, правилам, ролям, статусам. Но это стабильный и конформный мир. «Для того чтобы определить свое местонахождение внутри социальной группы, я должен знать различные манеры одеваться и вести себя, многочисленные

знаки, эмблемы и т. д., которые расцениваются этой группой в качестве показателей социального статуса и потому социально одобряются как релевантные» [3].

Социальный мир поэтому не является объективной системой или структурой. Социальный мир вытекает из совместного корпуса знания и совместных допущений различных социальных групп и сообществ. Тем не менее А. Шютц утверждает, что смысл образует интегральную часть процесса интеракции, и в этой степени его социология является объективной: сознание и действие исполнены смысла в их отношении к социальной структуре и институтам.

Ссылки:

1. Swingewood A. *A Short History of Sociological Thought*. New York, 1991. P. 268–272.
2. Schütz A. *The Phenomenology of the Social World*. London, 1972. 255 p.
3. Ibid.

References:

1. Swingewood, A 1991, *A Short History of Sociological Thought*, New York, pp. 268–272.
2. Schütz, A 1972, *The Phenomenology of the Social World*, London.
3. Schütz, A 1972, *The Phenomenology of the Social World*, London.